

УДК 122

Понятие каузальности в философии Ницше (при обращении к теории каузальности Канта)

Филков Владимир Сергеевич

Аспирант,

Балтийский федеральный университет им. И. Канта;

236016, Российская Федерация, Калининград, ул. А. Невского, 14;

e-mail: blueturtlesarenice@gmail.com

Аннотация

Как правило, Ницше предстает перед нами в качестве мыслителя, занятого моральными, религиозными и эстетическими проблемами. И хотя это на самом деле составляет костяк философии Ницше, у него мы также можем найти много любопытных наблюдений над различными вопросами познания, которые его комментаторы часто обделяют вниманием. Статья посвящена теории каузальной связи в философии Ницше. В ней осуществляется попытка определения общего представления Ницше о каузальности, основанная на анализе двух главных форм проявления этой категории в его философии: во-первых, как формы закономерной связи опыта; во-вторых, как целесообразной связи представлений и действий, т. е. воли. Высказывания Ницше по обеим проблемам имеют, как и все в его философии, несколько неоднозначный, порой противоречивый характер, что существенно осложняет любые теоретические схемы. Ради большей полноты мы прибегаем к дополнительной помощи – к ницшеанской критике теории каузальности Канта, мыслителя, имя которого наиболее часто упоминается в данном отношении как в контексте конкретных форм проявления каузальной связи, так и идеи вообще. В результате нашего анализа мы представляем вариант схемы, отражающей роль каузальности в человеческом сознании, в том виде, как ее представлял себе Ницше. Эта схема, как оказывается, имеет в себе те же составные элементы, которые присутствуют в кантовской теории каузальности. Однако как форма взаимоотношения между ними, так и источники их происхождения в рамках человеческого сознания приобретают совсем иной, антирационалистический характер.

Для цитирования в научных исследованиях

Филков В.С. Понятие каузальности в философии Ницше (при обращении к теории каузальности Канта) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Том 5. № 6А. С. 24-38.

Ключевые слова

Ницше, каузальность, категории рассудка, логика, Кант, воля, субъект.

Введение

Каузальность¹ – одна из наиболее частых тем, затрагиваемых в текстах Ницше. С одной стороны, важнейшие фрагменты его учения, в которых упоминается эта идея, исследованы довольно подробно. С другой стороны, проблема самой каузальности, т. е. каузальности вообще, привлекла существенно меньше внимания. Вынуждены признать, что до сих пор отсутствует согласие относительно сущности данной идеи в ницшеанском учении. В связи с этим *целью* статьи является воспроизведение *структуры* представления о каузальности и выявление *принципа* ее формирования в философии Ницше.

По большому счету, мы можем обозначить в философии Ницше две основные формы² проявления идеи каузальности: 1) объективная закономерность явлений; 2) активность субъекта (воля). Как правило, они составляют изолированные друг от друга проблемы, что затрудняет понимание идеи в целом. Мы отмечаем здесь некоторых авторов³, которые, исследуя одну из этих форм проявления каузальности, уделили внимание также и рассмотрению каузальности как таковой: в первом случае – Грин [Green, 2002], Хуссейн [Hussain, 2012] и Молс [Moles]; во втором – Гартнер [Gardner, 2009] и Миязаки [Miyasaki, 2016]. И конечно, нельзя не отметить те немногие публикации, где именно сама каузальность является главной темой. Таковые принадлежат Дризу [Dries, 2013], Раймону [Rayman, 2016] и Стаку [Stack, 1982].

Роль Канта

Нельзя не признать, что высказывания Ницше как о каузальности вообще, так и об отдельных ее формах порой столь различны и многозначны, что возникает сомнение в наличии у него какой-либо единой продуманной теории данного понятия. И действительно,

- 1 Ницше использует как понятие «каузальность» (*Kausalität*), так и понятие «причинность» (*Ursächlichkeit*). Какого-то особого значения это не несет. Можно видеть, что *Kausalität* с течением времени (начиная с 1883 года) заменяется на *Ursächlichkeit*. У Канта же различие существует [Кант, Логика, 1800, 1994, 200]: под *Kausalität* следует понимать некоторую производящую силу, а понятие *Ursache* (причина), от которого происходит *Ursächlichkeit*, – акт, в котором эта сила проявляется (отсюда странное на первый взгляд словосочетание «*Kausalität der Ursache*»). Содержательно критика Ницше направлена на понятие «каузальность», хотя, по всей видимости, сам он этого не осознает.
- 2 Можно выделить у Ницше и третью форму: телеологию. Но она скорее представляет собой особый случай воли (а именно божественной).
- 3 Конечно, существуют уже ставшие классическими интерпретации противостояния Канта и Ницше (Хайдеггер, Делёз, Риккерт и др.), не говоря о множестве современных авторов, как российских, так и зарубежных. Но мы намеренно ограничиваемся представителями *аналитического* направления. Хотя они до определенной степени упрощают всю многогранность проблемы каузальности (у Ницше она отнюдь не только теоретико-познавательная, но также эстетическая, психологическая, историческая и др.), но выигрывают в способности сконцентрироваться на конкретной проблеме в сугубо теоретико-познавательном аспекте.

осознанно выстроенной системы у Ницше нет. Но, кроме совокупности его высказываний по проблеме, существует и другой, достаточно богатый источник сведений – критика позиции *Канта*. Этот источник интересен не только широтой охвата и частотой упоминаний⁴, но и наличием специфических высказываний в сторону предшественника, позволяющих составить более полную картину представления Ницше. В этом смысле показательным то, что в самом длинном фрагменте его поздних рукописей (из которых была позже составлена работа «Воля к власти»), посвященном непосредственно каузальности, упоминается лишь одно имя – Кант [Ницше, 2006, 255].

По большому счету, относительно главных вопросов познания Ницше следует считать антиподом Канта, хотя можно найти и некоторые интересные сходства⁵. Линия водораздела между ними вполне ясна: возможность *объективного* знания. Ницше допускает только один род знания – ощущения, связь которых носит сугубо ассоциативный, т. е. *случайный* характер. Кант же выступает за то, что существует еще и другой род знания, синтетический а priori, который отличается однозначной истинностью. Проблема каузальной связи является важнейшим случаем данного противостояния, ее можно свести к дилемме: каузальность – это привычка, т. е. случайная связь, или же объективная категория нашего мышления?

Этот спор начался с Юма. Именно с этим именем Кант связывает свое пробуждение от «догматического сна»: Юм показал, что каузальность (а вместе с ней и все априорное знание) не может быть доказана обычными средствами опыта. В связи с этим Кант приходит к необходимости иного, априорного обоснования ее объективной значимости (дедукция). Именно по этому поводу иронизирует Ницше, говоря уже о своем «догматическом сне», от которого его разбудил Кант [Ницше, Черновики и наброски..., 2012, 437]. В этом же контексте Ницше ведет речь о «чудовищном вопросительном знаке», который Кант поставил по отношению к понятию каузальности [Ницше, 2014, 547]. Этим он подразумевает ложность и *искусственность* кантовского априорного обоснования, возникшего из мифа об объективном знании.

Мы не станем вдаваться в сам спор, а лишь определим ницшеанскую модель каузальности, противопоставляемую Канту. Сама эта модель носит характер, несопоставимый со строгостью и однозначностью объективного знания. Ницше понимал, что если нельзя обосновать априорного статуса каузальности, *то рушится и вся метафизика* Канта, поскольку она строится из знаний априорного типа⁶. Собственно, в этом и состоит метазадача философии Ницше: упразднение объективного знания ради избавления от абсолютных авторитетов, ограничивающих человеческое развитие.

4 В данном контексте часто упоминаются позитивисты и Шопенгауэр. Но первые ограничены преимущественно проблемой закономерности явлений, а второй – проблемой воли.

5 В частности, согласие относительно того, что наше сознание активным образом, в том числе посредством каузальности, формирует восприятие мира.

6 Так, Васильев подчеркивает значимость данного момента: «Если аргументы Юма справедливы по отношению к понятию причинности, то их влияние неизбежно должно распространяться и на другие понятия, традиционно рассматриваемые в метафизике» [Васильев, 1998, 46].

В обращении к Канту имеется одна особенность: его представление о каузальности естественным образом служит схемой для сравнения с теорией Ницше. Дело в том, что при всем принципиальном расхождении позиций по вопросам познания определенные элементы все же присущи обоим мыслителям (правда, при противоположности мнений по этим вопросам), что вовсе не случайно, т. к. влияние Канта на Ницше – одно из сильнейших. В общем, понятие каузальности в философии Канта используется в трех различных смыслах [Кант, Логика, 1800, 1994, 195]: 1) категория рассудка – одно из базовых априорных понятий, отражающих функции мышления; 2) вторая аналогия опыта – общее положение о необходимой причинно-следственной связи явлений; 3) свобода воли – способность существа быть определяющим основанием собственных поступков. Второе и третье возникают вследствие применения категории к явлениям и человеческому поведению соответственно. Применяя критику кантовской позиции как вспомогательное средство, рассмотрим два главных аспекта каузальности у Ницше и представим их в рамках единой системы.

Натурализм против нормативизма

В исследовательской литературе (Грин, Хуссейн) сложилось представление о двух противоположных позициях по проблеме каузальности, часто подводимых под общую формулу в контексте теории мышления: *нормативизм* (Кант, неокантианцы) против *натурализма* (Юм, Ницше). Представляется, что это очень удобная, хотя и несколько абстрактная форма рассмотрения проблемы. Суть ее сводится к следующему: при всем многообразии различных теорий главным разграничительным пунктом следует считать представление о наличии в нашем сознании *необходимой* для мышления идеи о причинно-следственной связи, качественно несводимой к субъективному фактору привычки.

Оттолкнемся от позиции Канта. В нашем знании он выделяет две различные составляющие: ощущения (материал) и мышление (связь). Первое – результат неизвестного нам воздействия, но второе – наше собственное привнесение, которое мы обнаруживаем с помощью рефлексии. Связь осуществляется с помощью априорных, т. е. строго необходимых и всеобщих форм. Они – не производные от опыта представления, а условия его возможности, т. к. без них мир лишается осознанности. Совокупность форм связи, образующая систему, была адекватно (хотя и не до конца точно) отражена в особой дисциплине – *логике*, т. е. науке об одной лишь форме мышления вообще [Кант, Логика, 1800, 1994, 268]. Исследовав всевозможные логические операции, Кант эксплицирует базовый набор функций связи (исправляя неточности предшественников), получивший свое отражение в его таблице категорий. Одним из этих априорных понятий, принадлежащих к рубрике «отношение», является понятие *каузальности*. Оно, таким образом, – функция связи явлений, осуществляемая по заданным правилам рассудка. В этом и состоит суть нормативизма: связь представлений, в частности каузальность, возможна через подведение под *правила*.

Ницше не отрицает само наличие правил связи представлений в нашем сознании, иначе это противоречило бы интуиции. Его позиция сводится к тому, что правила эти не носят необходимого характера в процессе формирования нашего восприятия действительности, ибо сами они – поверхностные оформления нашего сознания, которые всего лишь присоединяются к единственному достоверному фактору связи, каковым является субъективное основание *привычки*. Что касается представления об объективных правилах рассудка, то Ницше видит в этом *иллюзию*, примысливающую некоторую внутреннюю связь явлениям. Каузальность – это важнейший пример данной иллюзии, поэтому вполне естественно, что Ницше выражает свою натуралистическую позицию именно во фрагменте под названием «Критика понятия «причина»»: «Если что-то протекает так, а не иначе, – в нем нет никакого «принципа», никакого «закона», никакого «порядка»» [Ницше, 2006, 242].

Понятия «причина» и «следствие», вместе образующие идею каузальности, он называет «конвенциональными фикциями» [там же, 33]. Это значит, что они не имеют самостоятельного смысла, а используются лишь для обозначения чего-то иного. Иначе говоря, они носят *производный* характер. Довольно удачно данную мысль выразил Миязаки, характеризуя теоретико-познавательный статус каузальности у Ницше: «*количественный эффект без глубинной сущности*» [Miyasaki, 2016, 266]. Конечно, существуют и другие трактовки. В частности, Раймон считает каузальность базовым, *качественно* определенным понятием, участвующим в построении учения Ницше о воле к власти. Нам представляется, что он прав в том, что Ницше *неявно* применяет эту категорию в рамках своей методологии. Однако на уровне принципов и общесистемных связей позиция Миязаки представляется более близкой к действительности.

Таким образом, источник идеи каузальности следует искать вне природных закономерностей; здесь следует обратиться к внутренней феноменологии человеческого мышления. Но прежде надлежит выяснить то, чем каузальность точно *не* является, и почему. Хотя это рассуждение и носит негативный характер, оно на противоположном примере указывает на некоторые положительные аспекты каузальности. Особую роль при этом играет Кант.

Логика Канта и категория каузальности

Мы можем найти у Ницше несколько высказываний о Канте следующего типа, говорящих о «способности»: «Юм выводил из привычки понятие причинности; Кант, сохраняя полнейшее спокойствие, изрек: «это способность». И все были счастливы» [Ницше, Черновики и наброски..., 2012, 402]. Как в общем, т. е. по отношению к априорным знаниям, так и в частности, по отношению к каузальности, Ницше усматривает в кантовской теории скрытую *тавтологию*. Это следует из принципа ницшеанской философии, согласно которому любое понятие заведомо искажено в силу своей формы. Каузальность – это всего лишь обозначение *привычной* ментальной связи, *абстрагированное* от множества действительных явлений.

Следуя этой точке зрения, Кант вводит понятие каузальности в систему других априорных знаний⁷, каждое из которых имеет точно такое же чисто абстрактное происхождение. Нет того, что связывало бы это все с действительностью, т. е. некоего *интуитивного* (чувственного или эмоционального) восприятия. Впрочем, надо заметить, что Ницше много рассуждает об обманчивости априорных представлений, однако при этом предъясвляет мало конкретики, сводя проблему к психологии (не чем идея является, а что определяет потребность в ней). Так же, как правило, обстоит дело и с Кантом. Но, к счастью, в отношении каузальности имеются теоретико-познавательные указания на то, в чем именно Кант заблуждался. Кант придает онтологический смысл каузальности, приписывая этому понятию статус одного из условий возможности восприятия мира: он *приписывает* каузальности, наряду с другими понятиями, статус формы мышления, которой должен подчиняться мир. Главный инструмент реализации этого – таблица категорий, об особой значимости которой Ницше рассуждает в следующем фрагменте: «Кант, прежде всего, гордился своей таблицей категорий; с этой таблицей в руках он говорил: «вот самое трудное из всего, что когда-либо могло быть предпринято для целей метафизики»... Как *возможны* синтетические суждения а priori? – спросил Кант; и что же он, собственно, ответил? *В силу способности*» [Ницше, По ту сторону добра и зла, 2012, 22].

У Канта логические формы, анализ которых позволил ему выявить априорные структуры мышления, и каузальность (одна из этих форм) – одной сущности⁸. У Ницше дело обстоит иначе: строго говоря, в логике нельзя найти ничего качественно нового по сравнению с вещами, от которых мы абстрагируемся. Каузальность может быть *отражена* в системе логических связей, одной из которых является таблица категорий, но это ничего не говорит о действительной сущности этой идеи. Это следует из понимания Ницше того, чем является логика. Она представляет собой то же самое, что и грамматика языка, т. е. система символов, случайно приписываемых к абстрактным представлениям, которые всегда искажают действительность. Существуют какие-то общераспространенные принципы построения языков, которые однозначно выразить невозможно, но нет какого-то одного-единственного канона, строгим образом определяющего все элементы языка. Поэтому и в логике Ницше, как это подчеркивает Халес, существует бесконечное количество способов, которыми исходный хаос восприятий мог бы упорядочиваться в единые представления [Hales, 1996, 829]. Но те идеи, что упорядочиваются, никак не причастны к этим различным способам упорядочивания. Одной из таковых является каузальность (точнее, иллюзия каузальности), основа которой *интуитивна*, а не дискурсивна⁹. А это значит, что идея каузальности находится на противоположном конце спектра познавательных способностей от логически упорядоченных норм мышления. Иначе говоря, Ницше отрицает каузальность в первом

7 Конкретно, через отождествление каузальности с логической формой *гипотетического суждения*.

8 Все они выполняют функцию подведения многообразия восприятий к единству апперцепции.

9 Уже в своей ранней работе «Философия в трагическую эпоху греков» (1873) Ницше утверждает наличие непреодолимой грани между интуитивными представлениями, которые всегда чувственны (Гераклит, к которому примыкает сам Ницше), и дискурсивными объектами мышления (Парменид, аналог Канта).

смысле, т. е. в качестве категории рассудка. Точнее, в представлении Ницше ее можно называть категорией лишь в *относительном* смысле, т. е. не более чем привычной формой связи явлений *без* априорной функции мышления в ее основе.

Даже те, кто видит в ницшеанском понимании каузальности продолжение кантовской линии, признают определенные качественные отличия в понимании этой категории. Стак, например, хотя и считает, что исходный импульс был получен от Канта, тем не менее высказывается о специфике ницшеанской позиции, которая, по его мнению, заключается в следующем: это, во-первых, представление об упрощающей деятельности мышления, которое не в состоянии адекватно отражать наши основные категории (данный пункт отмечен Стаком лишь вскользь); во-вторых, представление об антропоморфическом и практично-ценностном истоках категории каузальности, что подразумевает невыразимое *творческое* основание [Stack, 1982, 262]. Во всяком случае, в каузальности мы имеем не логическую функцию связи, а устойчивую психическую склонность (не обладающую безусловной необходимостью), которая может быть всего-навсего упрощенно представлена в форме первой.

Каузальность воли

Кроме причинно-следственной связи явлений, Кант выделяет способность духа, подчиненную иному каузальному отношению, т. е. *волю*. Ее он определяет так: «способность или создавать предметы, соответствующие представлениям, или определять самое себя для произведения их (безразлично, будет ли для этого достаточна физическая способность или нет), т. е. свою причинность» [Кант, Критика практического разума, 1994, 388]. Природа – это связь явлений по законам. Человек, принадлежа природе своею телесной составляющей, подчинен действию ее слепых сил. Но поскольку он при этом наделен разумом (т. е. принадлежит к миру интеллигибельному), он обладает способностью определять собственные действия на основании представлений, т. е. действовать *целесообразно*. В основе этих двух видов связи лежит одна и та же категория каузальности, но применяемая к различным объектам.

В том, что касается единства категории, Ницше согласен с Кантом. Как он утверждает, «*causa efficiens*¹⁰ и *finalis* – это в основе своей одно и то же» [Ницше, 2006, 254]. Это, однако, *не* значит, что эти два вида применения отличаются лишь своим объектом. Более того, чтобы добратся до их общего корня, следует обратиться именно ко второй, целевой каузальности. Как было сказано выше, причинность (в какой угодно форме) – это производное представление. Ницше пишет: «Не бывает того, что имел в виду Кант, – нет никакого чувства причинности» [там же, 255]. Под этим он подразумевает, что мы не можем свести это представление к некоему достоверному явлению внутри сознания, к некоему чувству (*Causalitäts-Sinn*). Это не значит, однако, что нельзя усмотреть такового в основании иллюзии каузальности, в котором присутствуют два основных аспекта: а) представление о *субъекте* (Я); б) представление об *активности* субъекта.

10 Действующая и целевая причины (лат.)

Субъект мышления

Хотя Ницше и отрицает в некоторых местах своих текстов непосредственные факты сознания (например, [Ницше, По ту сторону добра и зла, 2012, 27]), в данном случае мы имеем дело именно с признанием такого факта в рамках его философии. Этот факт, так же как и идея каузальности, не логического, а *интуитивного* происхождения. Суть его в следующем: в человеческом сознании присутствует устойчивая склонность к соединению представлений через одну и ту же базовую форму. Ницше задается вопросом: «Но *что* это такое – то, что во всяком суждении бессознательно принимается на веру в качестве истинного?». И сам отвечает: «это наша *базовая вера*¹¹ (*Grundglaube*) в то, что действительность можно разделить на субъектно-предикатные отношения» [Ницше, 2005, 166]. Речь идет не об априорных формах мысли, а о привычке, сформировавшейся исторически и по своей сути случайной. При этом самый первый объект этой привычки – это наше собственное сознание, оформленное в идее о *нашем Я*.

Однако вместе с привычкой возникает и естественная склонность к иллюзии, будто бы этот чисто вымышленный субъект представляет собой некую действительную вещь: в опыте – это предметы (в конечном итоге, *атомы*), а в нашем мышлении, переносимом в отдельную, метафизическую реальность, – *души*. ««Субъект» – это фикция того, что множество одинаковых состояний в нас суть следствие единого субстрата: но это мы создаем «тождество» этих состояний; фактически имеет место их отождествление человеком и приведение в порядок, а не их бытийное тождество» [там же, 421]. Иначе говоря, идея нашего субъекта, нашего Я является сугубо *регулятивной* мыслительной конструкцией, из которой мы склонны делать необоснованные метафизические выводы о некоей субстанции в ее основе. В этом заключается начало иллюзии воли. Обращение к Канту проясняет дополнительные аспекты этой иллюзии.

С одной стороны, Ницше отдает должное Канту в связи с его теорией трансцендентальной сущности представления о мыслящем субъекте; в этом смысле он даже признает свою преемственность от Канта и замечает, что критическая дисциплина (Кант и др.) – лучшее, что дала Германия миру. Интерес представляет следующий фрагмент: ««Я» – стало быть, только синтез, *производимый* при посредстве мышления. *Кант* хотел, в сущности, доказать, что, исходя из субъекта, нельзя доказать субъект... быть может, не всегда ему была чужда мысль о возможности *мнимого существования* субъекта, стало быть, «души»» [Ницше, По ту сторону добра и зла, 2012, 67]. Здесь «субъект» в первом значении – это трансцендентальное представление, во втором – действительная метафизическая сущность, вывести которую из первого наш ум безрезультатно стремится. По большому счету, если говорить о чисто познавательной стороне проблемы, то здесь мы имеем лишь упрощенное *повторение* Канта, т. к. именно он ясно поставил вопрос об идее Я и создал детализированную теорию диалектических видимостей, возникающих на основе идеи (трансцендентальные паралогизмы).

11 «Вера» в философии Ницше – это *активный* психический феномен. Когда Ницше говорит о вере в субъектно-предикатную связь, это значит то же самое, что и создание этой связи.

С другой стороны, следует подчеркнуть, что в приведенном фрагменте Ницше говорит о критической позиции Канта в *прошедшем* времени. Это вовсе не случайно. Если Кант придерживается представления о естественной видимости разума, которая может быть усмотрена, но не исчезает даже при осознании ее, то у Ницше это принимает иной оборот: эта видимость имеет отнюдь не интеллектуальное, а природное происхождение. Здесь учение Ницше приближается к психоанализу, в который мы вдаваться не будем. Отметим лишь следующее: видимость возникает из бессознательной морально-религиозной потребности в идее души. Даже при полной ясности иллюзии инстинкт не перестает верить в нее и пытаться каким-то образом убедить в ней сознание. Именно это Ницше усматривает у Канта. Ницше постоянно подчеркивает хитрость, коварство, теологическую лживость и т. д., что связано с двойственностью позиции, которую Ницше усматривает у своего предшественника: с одной стороны, ясное понимание невозможности что-либо однозначно утверждать о душе, с другой стороны, практическая вера, цепляющаяся за идею каузальности через свободу, за которой скрывается христианство: «Мы приучены христианством к суеверному понятию «души», к «бессмертной душе», к душе-монаде» [Ницше, 2006, 386].

О конкретном психологическом механизме, который Ницше видит в основе данной склонности, трудно рассуждать с определенностью, т. к. речь идет о *вере* и *истолковании* невидимых мотивов, которые сам Ницше считает исключительно субъективными и пристрастными вещами. Так, Гартнер выражает свое непонимание попытки Ницше выстроить противоположное *метафизическое* учение о душе как множественности, противоречащее его же собственным теоретико-познавательным утверждениям¹². Единственное объяснение, которое он находит, – это *убежденность* Ницше в необходимости исключения намеков на христианство [Gardner, 2009, 12]. В любом случае здесь мы имеем понятие о *движущем начале* искажения факта субъектно-предикатной связи: моральная потребность в бессмертной душе.

Активность субъекта

Второй аспект каузальности воли сводится к другому факту внутренней феноменологии: в человеческом сознании присутствует естественная склонность рассматривать наши представления как определяющие основания совершения наших действий. Это *иллюзия*, которая возникает в результате необдуманного принятия поверхностной стороны психики за отражение неких объективных взаимодействий внутри сознания. На этот счет Ницше замечает: «Через череду мыслей, ощущений, идей в сознании ничего не говорит о том, что после-

12 Исходя из представления о воле к власти, Ницше выводит множественный характер сознания. Но осуществляет это при помощи категорий каузальности, единства, множества, воздействия и т. д., соотнося их с неким действительным положением дел. Это использование категорий, которые сам же отрицаешь, – явное противоречие, отмеченное множеством исследователей.

довательность эта является каузальной последовательностью: но *по видимости* она такова, причем более чем. На этой-то *видимости и построены все наши представления о духе, разуме, логике* и т. д. (всего этого не существует; все это вымышленные синтезы и единицы)» [Ницше, 2006, 61].

По своей сути, данная склонность сознания есть точно то же самое, что и каузальность опыта, т. е. *привычка*. Она формирует видимость необходимой *целесообразной* связи между мыслями и движениями тела (или другими мыслями). Эта видимость и есть то, что принято называть именем «воля». Очевидно, самим выдвиганием данной точки зрения Ницше не вносит в философию ничего принципиально нового. Он лишь распространяет натуралистическое понимание каузальности на человеческое сознание, потому что мыслит его в качестве совершенно такой же природной сущности, как и любое явление природы. Это значит, что Ницше отрицает не только изложенное Кантом в тезисе третьей антиномии представление о каузальности через свободу (свобода воли), но и эмпирическую каузальность всех наших поступков, поскольку они относятся к явлениям (включая инстинктивные).

У этой иллюзии есть своя логика, прояснение которой выводит к сути ницшеанской идеи каузальности. Выше было отмечено, что, по Ницше, субъектно-предикатная форма мышления – это исходная привычка нашего сознания. Иллюзия воли возникает тогда, когда данное трансцендентальное отношение неосознанно приобретает реальный смысл, т. е. когда субъект этого отношения наделяется свойством субстанциальности. В результате возникает представление о его *активности*. На этот счет Гартнер замечает: «Ницше полагает, что мы мыслим «Я» самосознания в качестве *причины* – мы истолковываем его отношение к нашим действиям в понятиях действующих агентов» [Gardner, 2009, 3]. Это, как нам представляется, не до конца точно. Правильнее было бы сказать: мы *не* мыслим Я (душу) в качестве причины, а *переносим* представление об активности субъекта на вещи, в результате чего возникает идея причины, и мы имеем представление о каузальной связи. То есть первоначально представление активного субъекта применяется по отношению к нашему внутреннему миру, т. е. сознанию (вследствие моральных потребностей), а лишь потом – к внешнему миру природы. Каузальность воли, таким образом, – это *производное* представление от привычки субъектно-предикатной связи, а каузальность явлений – производное от этой привычки. На этот счет Ницше дает пояснение¹³: «Что дает нам чрезвычайную прочность веры в причинность, так это *не* великая привычка замечать последовательности процессов... Это *вера* в живое и мыслящее как единственно *действующее* – в волю, в цель, – а то, что всякий процесс – это деяние, что всякое деяние предполагает действителя, – составляет веру в «субъект»» [Ницше, 2005, 93]. Таким образом, в ницшеанской философии каузальность как общее положение о закономерности явлений (т. е. во втором смысле) является производным от свободы воли (в третьем смысле), в то время как у Канта они оба происходят из применения категории, которая у Ницше отрицается в принципе.

13 Здесь Ницше выражает свое расхождение во взглядах с Юмом.

Остается вопрос об исходном пункте: что значит «действующее» (*wirkende*) или, иначе, «активное»? Мы разделяем позицию Стака, согласно которой мы сталкиваемся здесь с исходными категориями философии Ницше, за которыми закрепляется интуитивный, *психологически неопределенный* статус. Речь идет о некоем ощущении «силы», «концентрации» и т. д., не подлежащем рациональному описанию и получившем название «воля к власти». Логика с ее категориями отражает лишь одну сторону этой интуиции, и всегда искаженно. Именно эта неопределенность познавательного статуса базовых интуиций позволяет Ницше критиковать другие теории как ошибочные порождения логики. В философии Канта аналогии этому ощущению нет, да и быть не может. Причина тому проста: это представление носит опытный характер, что противоречит идее об априорном истоке каузальности.

Тем не менее можно с достаточной степенью ясности, руководствуясь текстами Ницше, обозначить отношение между проявлениями этой интуиции в человеческом сознании. Полезным окажется сравнение с Кантом: в его таблице категорий имеется два различных понятия рубрики «отношение»: субъектно-предикатная связь и причинно-следственная связь (каузальность). Они являются разными формами связи представлений, но сущность их как категорий рассудка одна и та же. У Ницше же они относятся к единой форме связи, но разные по сущности: первая – это базовое трансцендентальное представление, вторая же – ее ошибочная интерпретация в качестве реального отношения. Об этом порядке в человеческом сознании Ницше замечает: «В сущности, ведь даже уже вера в причину и следствие, в *conditio* и *conditionatum* – это всего лишь частный случай первичной и всеобщей веры, нашей исконной веры в субъект и предикат» [там же, 166]. На чем основан именно такой порядок, а не обратный ему? Опять-таки, это считается непосредственным фактом сознания («базовая вера»), не нуждающимся в объяснении¹⁴, т. е. логическом истолковании на манер таблицы категорий.

Заключение

Теперь можно обозначить структуру представления каузальности в философии Ницше.

1. Исходная точка – наиболее устойчивая и древняя привычка к мышлению по субъектно-предикатной форме. При этом первичным объектом ее направленности является наше собственное сознание. Если сравнивать это с теорией Канта, то такого пункта, утверждающего неопределенное, опытное происхождение идеи, быть просто не должно.

2. Когда в силу различных морально-религиозных потребностей вместо чисто регулятивной фикции субъекта мыслится реальная субстанция (душа), то возникает представле-

¹⁴ В этом, как и во многих других «фактах сознания», Ницше отходит от своего принципа перспективно-сти знания, применяемого им против логики. Такие явные противоречия (скрытого согласия здесь нет) являются причиной фрагментарности его учения, которая более всего проявляется при критике философских *систем*.

ние о причинно-следственной связи (субстанция, которая проявляет активность). Каузальность в третьем смысле¹⁵.

3. Далее эта форма связи переносится на внешний мир явлений, сообщая ему видимость объективной закономерности; таким образом, мы очеловечиваем мир, приписывая ему нормы: основание-следствие. Каузальность во втором смысле, как положение о необходимой причинно-следственной связи явлений.

4. Пытаясь каким-то образом обосновать эту закономерность явлений, мы обращаемся к грамматическим категориям языка (нормам), в которых нет ничего качественно нового. В результате мы получаем видимость обоснования и предельную отдаленность от базовой интуиции. Каузальность в первом смысле, т. е. априорная форма мышления.

Можно ли тут говорить о наличии принципа? Если под этим понимать общее положение, задающее концептуальный каркас учения, как в случае философии Канта, то таковой отсутствует. Скорее, речь идет об определенной лестнице *степеней приближенности* (от непосредственного к дискурсивному) к тому представлению, в котором Ницше усматривает исходную интуицию. Приблизительность и бессистемность этой совокупности представлений явно характеризуют натуралистический подход к знанию, отрицающий строгость и необходимость, каковые приписываются познанию априорному.

Библиография

1. Васильев В.В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий). М.: Наследие, 1998. 160 с.
2. Кант И. Критика практического разума // Сочинения. В 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. 630 с.
3. Кант И. Логика, 1800 // Сочинения. В 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. 718 с.
4. Круглов А.Н. Понятие каузальности у Канта // Иммануил Кант: Наследие и проект. М.: Канон+, 2007. С. 189-202.
5. Ницше Ф. Веселая наука // Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 3. М.: Культурная революция, 2014. С. 313-596.
6. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 5. М.: Культурная революция, 2012. С. 7-228.
7. Ницше Ф. Черновики и наброски весна 1884 – осень 1885 гг. // Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 11. М.: Культурная революция, 2012. 668 с.
8. Ницше Ф. Черновики и наброски 1885-1887 гг. // Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 12. М.: Культурная революция, 2005. 560 с.
9. Ницше Ф. Черновики и наброски 1887-1889 гг. // Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 13. М.: Культурная революция, 2006. 656 с.

¹⁵ Конечно, как и в п. 3, абстрагируясь от априорности понятия.

10. Dries M. The Feeling of Doing – Nietzsche on Agent Causation // *Nietzscherforschung*. 2013. Vol. 20. Pp. 235-247.
11. Gardner S. Nietzsche, the Self, and the Disunity of Philosophical Reason // *Nietzsche on Freedom*. Oxford University Press, 2009. Pp. 1-33.
12. Green M. Nietzsche and the Transcendental Tradition. University of Illinois Press, 2002. 199 p.
13. Hales S. Nietzsche on Logic // *Philosophical and Phenomenological Research*. 1996. Vol. 56. No. 4. Pp. 819-835.
14. Hussain N. Nietzsche and Non-cognitivism // *Nietzsche, Naturalism and Normativity*. Oxford University Press, 2012. Pp. 111-132.
15. Miyasaki D. Feeling, Not Freedom: Nietzsche Against Agency // *The Journal of Nietzsche Studies*. 2016. Vol. 47. No. 2. Pp. 256-274.
16. Moles A. Nietzsche's Critique of Causality // *International Studies in Philosophy*. Vol. 18. No. 2. Pp. 17-27.
17. Rayman J. Will to Power as Alternative to Causality // *The Journal of Speculative Philosophy*. 2016. Vol. 30. No. 3. Pp. 361-372.
18. Stack G. Nietzsche's Analysis of Causality // *Idealistic Studies*. 1982. Vol. 12. No. 3. Pp. 260-275.

The concept of causality in Nietzsche's philosophy (referring to Kant's theory of causality)

Vladimir S. Filkov

Postgraduate,

Department of Philosophy,

Immanuel Kant Baltic Federal University,

236016, 14, A. Nevskogo st., Kaliningrad, Russian Federation;

e-mail: blueturtlesarenice@gmail.com

Abstract

Usually Nietzsche is presented as thinker, who devotes himself to moral, religious and aesthetical subjects. And although they do indeed constitute the bulk of Nietzschean philosophy, we can also find a lot of interesting reflections on different epistemological subjects, often being neglected by his commentators. This article deals with Nietzsche's theory of causal connection. In the article the author attempts to determine Nietzsche's general view on causality based on the analysis of two main forms which it takes in his philosophy: firstly, as a form of law-governed connection of sensual experience; secondly, as purposeful connections

of thoughts and actions, i.e. the will. Nietzsche's comments on both matters possess, as does everything in his philosophy, a somewhat ambiguous, sometimes even contradictory character, which severely limits any theoretical schemes. For a fuller understanding we turn to the help of a complementary means – his critique of Kantian theory of causation. The latter being the thinker who is most broadly mentioned on this matter both in context of concrete forms of causal connection and in terms of this idea in general. As a result, we produce a version of a scheme which depicts the role which causality plays in human consciousness as it is understood by Nietzsche. This scheme, as it turns out, possesses the same constituent elements that are present in the Kantian account of causation. However, both the form of their relation and the roots of their origin in human, consciousness taken on a fundamentally different, anti-rationalist character.

For citation

Filkov V.S. (2016) Ponyatie kauzal'nosti v filosofii Nitsshe (pri obrashchenii k teorii kauzal'nosti Kanta) [The concept of causality in Nietzsche's philosophy referring to Kant's theory of causality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 5 (6A), pp. 24-38.

Keywords

Nietzsche, causality, categories of understanding, logic, Kant, will, subject

References

1. Dries M. (2013) The feeling of doing – Nietzsche on agent causation. *Nietzscherforschung*, 20, pp. 235-247.
2. Gardner S. (2009) Nietzsche, the Self, and the disunity of philosophical reason. *Nietzsche on freedom*. Oxford University Press, pp. 1-33.
3. Green M. (2002) *Nietzsche and the transcendental tradition*. University of Illinois Press.
4. Hales S. (1996) Nietzsche on logic. *Philosophical and phenomenological research*, 56 (4), pp. 819-835.
5. Hussain N. (2012) Nietzsche and non-cognitivism. *Nietzsche, naturalism and normativity*. Oxford University Press, ppp. 111-132.
6. Kant I. (1961) *Kritik der Praktischen Vernunft*. Reclam Publ. (Russ. ed.: Kant I. (1994) *Kritika prakticheskogo razuma. Sochineniya*. V 8 t. T. 4. Moscow: Choro Publ.).
7. Kant I. (1992) *Logik*. E-artnow Publ. (Russ. ed.: Kant I. (1994) *Logika, 1800. Sochineniya*. V 8 t. T. 8. Moscow: Choro Publ.).
8. Kruglov A.N. (2007) Ponyatie kauzal'nosti u Kanta [The concept of Kant's causality]. *Immanuel Kant: Nasledie i proekt* [Kant: heritage and project]. Moscow: Kanon+ Publ, pp. S. 189-202.

9. Miyasaki D. (2016) Feeling, not freedom: Nietzsche against agency. *The Journal of Nietzsche Studies*, 47 (2), pp. 256-274.
10. Moles A. Nietzsche's critique of causality. *International studies in philosophy*, 18 (2), pp. 17-27.
11. Nietzsche F. (2012) *Die fröhliche Wissenschaft*. Jazzybee Verlag Publ. (Russ. ed.: Nitsche F. (2014) *Veselaya nauka. Polnoe sobranie sochinenii v 13 t. T. 3*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., pp. 313-596).
12. Nietzsche F. (2012) *Gesammelte Werke*. (Russ. ed.: Nitsche F. (2012) *Chernoviki i nabroski vesna 1884 – osen' 1885 gg. Polnoe sobranie sochinenii v 13 t. T. 11*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ.).
13. Nietzsche F. (2003) *Gesammelte Werke*. (Russ. ed.: Nitsche F. (2005) *Chernoviki i nabroski 1885–1887 gg. Polnoe sobranie sochinenii v 13 t. T. 12*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ.).
14. Nietzsche F. (2005) *Gesammelte Werke*. (Russ. ed.: Nitsche F. (2006) *Chernoviki i nabroski 1887–1889 gg. Polnoe sobranie sochinenii v 13 t. T. 13*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ.).
15. Nietzsche F. (2012) *Jenseits von Gut und Böse*. Jazzybee Verlag Publ. (Russ. ed.: Nitsche F. (2012) *Po tu storonu dobra i zla. Polnoe sobranie sochinenii v 13 t. T. 5*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., pp. 7-228).
16. Rayman J. (2016) Will to power as alternative to causality. *The Journal of speculative philosophy*, 30 (3), pp. 361-372.
17. Stack G. (1982) Nietzsche's analysis of causality. *Idealistic studies*, 12 (3), pp. 260-275.
18. Vasil'ev V.V. (1998) *Podvaly kantovskoi metafiziki (deduktsiya kategorii)* [Dephs of Kantian metaphysics (deduction of categories)]. Moscow: Nasledie Publ.